

Выражение неопределенности в высказываниях с настоящим-будущим совершенного вида типа *Они брали всё, что найдут*

© 2023

Наталья Валерьевна Берницкая

Университет Сорбонна, Париж, Франция; natalia.bernitskaia@yahoo.fr

Робер Руде

Университет Лион-3 им. Жана Мулена, Лион, Франция; roudet@wanadoo.fr

Аннотация: Целью данной работы является изучение элементов неопределенности в высказываниях типа *Они брали всё, что найдут*. С одной стороны, мы пытаемся дать точное представление о характеристиках референта, с которым соотносится зависимое предложение, и, с другой стороны, мы изучаем роль настоящего-будущего времени совершенного вида (наст.-буд. СВ) в выражении неопределенности. Выявляется, что наст.-буд. СВ выражает особый тип итеративности, которую мы называем алеаторной итеративностью; наст.-буд. СВ употребляется только в дистрибутивных ситуациях и всегда связано с переменным референтом. Кроме того, данное употребление наст.-буд. СВ, как и многие нефутуральные употребления этой формы, несет в себе модальное значение. В статье также защищается гипотеза, согласно которой категория неопределенности является градуальной. Формальными показателями степеней неопределенности являются корреляты *то* в главном предложении и частица *ни* перед формой наст.-буд. СВ.

Ключевые слова: аспект, вид, время, дистрибутив, итератив, модальность, неопределенность, относительные конструкции, презенс, русский язык, синтаксис, совершенный вид, таксис

Благодарности: Авторы благодарят анонимных рецензентов за ряд ценных замечаний.

Для цитирования: Берницкая Н. В., Руде Р. Выражение неопределенности в высказываниях с настоящим-будущим совершенного вида типа *Они брали всё, что найдут*. *Вопросы языкознания*, 2023, 3: 60–76.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.60-76

Indefiniteness in Russian expressions like *Они брали всё, что найдут*

Natalia Bernitskaia

Sorbonne Université, Paris, France; natalia.bernitskaia@yahoo.fr

Robert Roudet

Université Jean Moulin Lyon 3, Lyon, France; roudet@wanadoo.fr

Abstract: The purpose of this work is to study the elements of indefiniteness in Russian complex sentences like *Они брали всё, что найдут* 'They took everything they could find' (lit. '...everything they will find'). On the one hand, we are trying to give an accurate idea of the characteristics of the referent which is relativized, and, on the other hand, we are studying the role of the perfective future tense in the expression of indefiniteness. It turns out that the perfective future expresses a special type of iterativity, which we call aleatoric iterativity; the perfective future is only used in distributive situations and is always

associated with a variable referent. In addition, this use of the perfective future, like many non-futural uses of this form, bears a modal meaning. The article also defends the hypothesis that the category of indefiniteness is gradual. Formal indicators of the degree of indefiniteness are the correlate *to* in the main clause and the particle *ni* before the perfective future-tense verb in the relative clause.

Keywords: aspect, distributive, indefiniteness, iterative, modality, perfective, present, relative constructions, Russian, syntax, taxis, tense

Acknowledgements: The authors are grateful to the anonymous reviewers for their valuable comments.

For citation: Bernitskaia N., Roudet R. Indefiniteness in Russian expressions like *Oni brali vsë, čto najdut*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 60–76.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.60-76

1. Объект исследования и проблематика

Объектом нашего исследования являются сложноподчиненные предложения, содержащие в зависимой части форму настоящего-будущего совершенного вида (далее наст.-буд. СВ) с нетривиальным, так называемым нефутуральным, значением типа *Они брали всё, что найдут; Он ломает, что под руку попадет*. Действие главного предложения выражено настоящим или прошедшим временем несовершенного вида (далее НСВ), а действие придаточного — формой наст.-буд. СВ, которая не имеет референции к будущему ни по отношению к моменту речи, ни по отношению к действию главного предложения¹. Мы не рассматриваем примеры с будущим временем в главном предложении, так как в таких случаях далеко не всегда ясно, имеет ли наст.-буд. СВ в придаточной части футуральное или нефутуральное значение; к тому же примеров подобного рода немного.

«Русская грамматика» включает эти конструкции в более широкий круг сложноподчиненных предложений с местоименно-относительной неориентированной анафорической связью. Примечательной синтаксической чертой этих предложений является функция местоименного слова, вводящего придаточную часть: местоименное слово не только организует подчинительную связь, но и называет, обозначает лицо, предмет или событие, которые в главном предложении остаются не названными. Таким образом, местоименное слово создает особый вид наименования — описательную номинацию [РГ 1980, II: 530]. Номинативная функция проявляется особенно ярко в тех случаях, когда уже нельзя говорить формально о придаточных предложениях, ср.: *Марья, дай людям на что присесть* (Шукшин); *С ребенком нянчились кто придется*.

Неориентированная анафорическая связь противопоставляется ориентированной, при которой «местоименное слово отсылает к лицу, предмету или событию, названному в предшествующем предложении знаменательным словом», например, *Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно пуста* (Гоголь) [Там же: 513]. «Русская грамматика» связывает тип анафорической связи, ориентированной или неориентированной, с типом относительных слов: *кто, что* являются средством неориентированной анафорической связи, а *который* служит для оформления ориентированной анафоры. Главный принцип распределения местоимений *кто* и *который* состоит в том, что *кто* употребляется с нереферентным антецедентом, в отличие от *который*, предполагающего референтный антецедент [Roudet 2009; 2016: 356–361].

Далее «Русская грамматика» признает, что некоторые придаточные с ориентированной анафорической связью, содержащие в зависимой части местоимение *какой*, приобретают «признак неконкретности» [РГ 1980, II: 521], например: *Они покупали книги, какие придется*. Подобного рода предложения во многом разделяют семантические характеристики

¹ Термин «предложение» используется нами в тех случаях, когда анализ языковых единиц не выходит за рамки синтаксиса; если речь идет о референциальном подходе, то мы обращаемся к термину «высказывание».

предложений изучаемого нами типа, в частности, возможность использования формы наст.-буд. СВ в зависимой части.

Назовем для краткости интересующие нас конструкции с местоименно-относительной связью «МО-конструкции». Базовая синтаксическая модель МО-конструкций строится следующим образом: **зависимое предложение**, содержащее форму наст.-буд. СВ, связано с главным при помощи относительных местоимений (главным образом *что, кто*) и местоименных наречий (*куда, где, сколько...*); **субъект действия** в главной и зависимой части может быть один и тот же (*Они брали (всё), что найдут*) или же быть различным (*Он ломает, что под руку попадет*). Данная модель может включать следующие дополнительные элементы: коррелирующее указательное местоимение или наречие в главном предложении (*тот, каждый, всякий, туда...*) и частицу *ни* перед формой наст.-буд. СВ в придаточном предложении. Проблема порядка главной и зависимой частей (препозиция или постпозиция зависимого предложения) и коррелирующие указательные местоимения в настоящей работе специально не рассматриваются, за исключением десемантизированного коррелята *то*.

Наряду с вышеуказанными моделями имеются следующие варианты:

- 1) Вариант с двумя местоимениями типа: *Кричали кому что вздумается*. В **зависимой части** фигурирует два местоименных слова, **главное предложение** не содержит коррелирующего элемента. Такие высказывания представляют собой периферийное явление, поскольку по своему синтаксическому статусу зависимая часть далеко не всегда соответствует тому, что наблюдается в предыдущих примерах.
- 2) Предложения с относительным местоимением *какой* (*Он исполнял работу, какую скажут*) также находятся на грани интересующей нас синтаксической области; антецедентом здесь является существительное, что исключено в основной модели.

Этим периферийным конструкциям будет посвящена последняя часть данной статьи, где также будут рассмотрены случаи явной фразеологизации.

Основная гипотеза, которую мы выдвигаем, состоит в том, что в МО-конструкциях и их вариантах формы наст.-буд. СВ являются одним из средств выражения неопределенности. Кроме того, мы разделяем точку зрения, согласно которой неопределенность представляет собой градуальную категорию [Гулыга 1979]; степени неопределенности зависят, в частности, от таких элементов высказывания, как коррелят *то* и частица *ни*.

2. Элементы определенности / неопределенности в высказывании

Для современной лингвистики очевидно, что категория определенности / неопределенности не сводится к проблеме артикля, а должна рассматриваться на всех языковых уровнях, ср. [Падучева 1985; 2004: 328–330; Булыгина, Шмелев 1990; 1997; ТФГ 1992; Черткова 1996; Шмелев 1996] и др. Многие вопросы, связанные с функционированием категории определенности / неопределенности, остаются открытыми; обсуждается, в частности, семантическая сущность данной категории и критерии, по которым устанавливается определенный или неопределенный статус элементов в высказывании. Чаще всего определенность связывается с известностью референта для участников коммуникативного акта (прагматический подход) или с единственностью объекта, удовлетворяющего выбранной номинации (логический подход) [ТФГ 1992: 270].

В МО-конструкциях лицо, предмет или событие, к которому отсылает зависимая часть, является ее неопределенным референтом: он не известен адресату речи. Базовая конструкция зависимой части предполагает два обязательных элемента: относительное местоимение и глагол в наст.-буд. СВ. Возникает вопрос: каким образом разные элементы зависимой

части задействованы в наименовании неопределенного объекта? Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться в том, что интересующие нас высказывания не могут интерпретироваться как обозначающие единственный объект, лицо или событие. Множественность выражается как на уровне относительных местоименных слов, так и на уровне глагольных форм, которые указывают на повторяющиеся действия.

В придаточных с местоимением *что* или с местоименными наречиями референт осмысливается как некий обобщенный объект, представляющий множество объектов одного таксономического класса:

- (1) *Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит* (Гончаров. Обломов; пример из [Mazon 1914: 135–136]).
- (2) *Мама носит зимой шапку, осенью и весной — берет, а летом — зонтик. Я ношу то, что наденут мне бабушка или мама* [Оля Полетаева. Кепарик // «Трамвай», 1990]².
- (3) *Сначала они забирали только хлеб. Потом картофель и мясо. А во времена Большого голода, в двадцать первом, начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И всё, что найдут в доме* [Гюзель Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015].

В примере (1) обобщаются средства существования, в примере (2) — головные уборы и аксессуары, а в примере (3) — все те объекты, которые можно употребить в пищу. Таким образом, объект представлен обобщенно, его нельзя вычленировать из множества объектов того же класса или рода.

В придаточных с местоимением *кто* неопределенный референт принадлежит к классу «люди». Подразумевается, что существует несколько индивидов (больше, чем один) с характеристикой, выраженной придаточным предложением:

- (4) *А там, где работает много рабов, неизменно стоит надсмотрщик с бичом и нещадно бьет каждого, кто промолвит лишнее слово* [А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)].
- (5) *Год назад был Сталин. Был Сталин и как Сталин хотел, так оно и было. Сталин менял, кого вздумается, переставлял, сажал, пускал в расход, возвращал из лагерей, снова сажал, выселял целые республики* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)].

Неотъемлемым элементом зависимой части МО-конструкций является глагол в форме наст.-буд. СВ. Несмотря на то что нефутуральные значения наст.-буд. СВ были изучены уже довольно тщательно ([Стойнова 2016; Шатуновский 2009; Анна Зализняк 2015; Гловинская 2001: 196–216; Бондарко 1971: 163–164; Mazon 1914: 135–136; Veyrenc 1980; Guiraud-Weber 2004: 118, 121–125] и др.) специфическое функционирование данной формы в предложениях интересующего нас типа осталось пока вне поля зрения лингвистов.

3. Наст.-буд. СВ и его связь с переменным референтом

Известно, что для обозначения повторяющихся действий русский язык обычно использует НСВ. В чем же тогда состоит специфика употребления СВ для обозначения повторяющихся действий?

В отличие от НСВ, СВ используется только в дистрибутивных ситуациях; таким образом, конкуренция форм СВ и НСВ возникает только в дистрибутивном контексте. Обязательная итеративность действия для СВ сближает интересующие нас формы

² Примеры, не сопровождающиеся специальными пометками, взяты из [НКРЯ].

наст.-буд. СВ с наст.-буд. СВ, выражающим наглядно-примерное или потенциальное значения. Дистрибутивная ситуация возникает, если имеет место многократное событие с переменным участником: *Каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье; Бесперывно оказывался у него какой-нибудь новый талант* [Падучева 1985: 216; ТФГ 1992: 273–274]. По отношению к рассматриваемым нами высказываниям это значит, что действие, выраженное глаголом НСВ в главном предложении, повторяется много раз, и при каждом повторении референт, обозначенный придаточным предложением, меняется, т. е. имеют место отношения *то R1, то R2, то R3...*

- (6) *Ездил, куда пошлют: и в глубинку, в районный Дворец какой-нибудь культуры, и в пионерские лагеря, и в лагеря исправительно-трудовые...*

Этот дистрибутивный характер действия главного предложения выступает особенно ярко, когда в зависимой части имеется два местоименных слова, что подчеркивает переменность актантов подчиненного предложения:

- (7) *Они совсем не готовили, ели урывками, что где придется — у друзей, в гостях, в кафе, бутерброды, пирожки и булочки из славных местных пирожковых* [Александр Вяльцев. Путешествия в одну сторону (1985–2000) // «Звезда», 2001].

Переменный референт может также подразумеваться имплицитно (примеры от (1) до (5)). Наст.-буд. СВ не может употребляться в контекстах:

- 1) С постоянным определенным референтом:

- (1') **Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит: сто пятьдесят рублей в месяц.*

Пример (1') стал бы более приемлемым, если добавить уточнение *в среднем* (*Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит: в среднем сто пятьдесят рублей в месяц*), что объясняется тем, что таким образом восстанавливается переменность референта. Вариант с НСВ также вполне уместен: *Бедная вдова живет только тем, что с дома получает: сто пятьдесят рублей в месяц.*

Эти примеры показывают, что определенный уточняющий элемент *сто пятьдесят рублей* сочетается только с формой НСВ и налагает запрет на употребление наст.-буд. СВ; форма наст.-буд. СВ подразумевает, что средства, которые получает бедная вдова, варьируются и не являются устойчивой, регулярной помощью.

- 2) С постоянным неопределенным референтом:

- (6') **Меня каждый месяц посылали в тюрьмы строго режима, и я ездил, куда пошлют.*

Уточнение *тюрьмы строго режима* соотносится с неопределенным (из-за множественного числа), но неизменяющимся референтом. Здесь опять-таки возможно только высказывание с НСВ: *Меня каждый месяц посылали в тюрьмы строго режима, и я ездил, куда посылали.*

Заметим, что высказывание (6') может стать вполне приемлемым, если референтом предложения *куда пошлют* будут какие-то варьирующиеся города, так как подобное уточнение меняет характер референта из постоянного в переменный.

Дистрибутивная ситуация, в которой употребляется наст.-буд. СВ, отличается от дистрибутивной ситуации с глаголом в НСВ главным образом тем, что список возможных референтов (*то R1, то R2, то R3...*) остается открытым: наст.-буд. СВ, в отличие от НСВ, исключает возможность полного, исчерпывающего списка референтов, этот список всегда можно продолжить. Пользуясь языком логики и философии, можно сказать, что референт определяется здесь интенционально (в этом и состоит смысл подчиненного предложения) и не может быть определен экстенционально.

Примеры (6) и (7) не противоречат данному утверждению, так как ясно, что в них перечисляются лишь некоторые, но не все возможные референты.

В подтверждение идеи открытого списка референтов рассмотрим следующий пример с НСВ (8), который мы сопоставим с вариантом (8'):

(8) *Три дня мы обстреливали его дачу. Мы стреляли в каждого, кто выходил из его дома* [М. М. Зоценко. Перед восходом солнца (1943)].

(8') *Три дня мы обстреливали его дачу. Мы стреляли в каждого, кто выйдет из его дома. В конце третьего дня никого не осталось в живых, мы всех перестреляли.*

Форма НСВ в зависимой части в (8) указывает на то, что список возможных референтов может быть исчерпан; поэтому продолжение рассказа может быть следующим: *В конце третьего дня никого не осталось в живых, мы всех перестреляли.* Однако, как видно в примере (8'), такое продолжение было бы не приемлемо в сочетании с наст.-буд. СВ.

Неудивительно, что невозможность дать исчерпывающий список референтов подчиненного предложения часто сочетается с семантикой случайного действия подчиненного предиката; в таком случае эта невозможность является следствием того, что речь идет о неконтролируемом, случайном действии с непредвидимым результатом. Самые типичные предикаты здесь — предикаты, выражающие сами по себе случайное появление: а) в физическом пространстве: *что попадет под руку; что окажется под рукой; что подвернется под ноги*; б) в ментальном пространстве: *что ни придет на язык; что взбредет в голову; что заблагорассудится; что вздумается* и т. д. Отдельно стоит очень частотный глагол *придется*, который чаще всего уже не составляет отдельного предложения (об этом см. ниже):

(9) *Кормили чем придется. Гуляли с ней утром и вечером минут по десять* [Сергей Довлатов. Наши (1983)].

Когда в самом предикате не содержится семантики случайности, употребление наст.-буд. СВ может имплицитно привнести эту семантическую черту в высказывание. Вернемся здесь к примеру (3) (*...начали считать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И всё, что найдут в доме*). Ясно, что *найти* тут является следствием неконтролируемого, зависящего от случая действия; люди ищут вслепую, наугад, что, между прочим, обычно дает понять, что некоторые объекты остались вне зоны действия субъекта — люди нашли не все. Ничего подобного нет в следующем примере с предикатом *находить*:

(10) *«Пугачева уже превратилась в звезду нашего заведения, — рассказывает он, — и с ней очень непросто было подружиться. Почти каждый день после занятий мы большой компанией собирались у нее дома. Слушали какие-то пластинки. Попутно съедали всё, что находили на столе: родители Аллы нас очень хорошо принимали»* [Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)].

В отличие от предыдущего примера, действие *что находили на столе* никоим образом не связано со случайным поиском (поэтому можно было бы без большого ущерба для смысла заменить *что находили на столе* предложением *что было на столе*). Речи не может быть о том, что гости случайно нашли продукты или нашли, может быть, не всё и т. д. В таких случаях употребление наст.-буд. СВ было бы неуместно.

4. Градуальность в выражении неопределенности

Референт в МО-конструкциях задается на двух уровнях, родовом и конкретном. Родовая референция, т. е. референция, указывающая на принадлежность референта к обобщенному

множеству объектов, зависит прежде всего от семантики глагола в главном предложении. Конкретная референция реализуется с помощью глагола зависимого предложения. Ср.:

- (11) *Два дня я ни с кем почти не разговаривал — а там человек пятнадцать было старых и молодых, — загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, ел, что дадут, потом опять загонял* [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)].

В примере (11) родовая природа референта вытекает из семантики глагола *есть* и может быть определена самым общим образом как *пища*. Эта семантика конкретизируется с помощью зависимого предложения: речь идет не о пище вообще, а о той пище, которую кто-то дает в условиях, обозначенных высказыванием.

4.1. Коррелят *то*

- (12) *Там научился водить машину и стал шофером полуторки. Гонял ее по тундре, по ее едва различимым в глубоком снегу и покрытым льдом колеям. **Возил, что прикажут**, в том числе лагерное начальство* [Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)].

Высказывания (11) и (12) имеют общую формальную особенность, которая заключается в том, что коррелят *то* в главном предложении был бы аномалией. Это объясняется тем, что коррелят *то* должен нести в себе двойную кореферентность: он должен соотноситься не только с лицом, предметом или событием зависимого предложения (относительное местоимение + глагол в наст.-буд. СВ), но и с каким-то иным элементом высказывания, уточняющим, конкретизирующим множество, задаваемое глаголом главного предложения. Иными словами, коррелят *то* возможен, если родовое множество, заданное глаголом главного предложения, конкретизируется не только на уровне глагола зависимого предложения, но и с помощью какого-то дополнительного элемента.

Такой дополнительный элемент получает различные способы выражения. Чаще всего он присутствует в контексте, предшествующем корреляту *то*. Так, в приведенном выше примере (2) *то* отсылает к уже перечисленным головным уборам, а в нижеследующем примере — к «чему-то вкусному»:

- (13) *А вы, ребята, помните? Самоделкин смастерил чудесный паровоз с множеством вагончиков. Поезд медленно, по очереди объезжал всех ребят, и в каждом его вагончике лежало **что-то вкусное. Малыши брали себе то, что понравится**. Потом выезжали маленькие поливальные машины и наливали из шлангов в тарелки суп* [Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995)].

Во многих случаях двойная кореферентность коррелята *то* может быть более завуалирована. Интересны в этом отношении примеры, в которых в роли зависимой части выступают неопределенно-личные предложения. Мы указали выше, что в высказываниях (11) и (12) коррелят *то* был бы аномалией, так как в них отсутствует второй, более конкретный элемент, с которым коррелят *то* мог бы соотноситься. Однако если внести в неопределенно-личные предложения дополнительный элемент конкретизации, который дал бы чуть больше информации о субъекте действия зависимого предложения, например элемент локализованности в пространстве, то использование коррелята *то* становится возможным (но не обязательным), см. (11'). Если же неопределенно-личное предложение трансформировать в личное, как в (11''), то коррелят *то* также становится возможным и даже желательным; а если добавить сразу два указанных элемента (11'''), то коррелят *то* становится практически необходимым:

- (11') Я загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, **ел то, что дадут в столовой**, потом опять загонял.
- (11'') Я загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, **ел то, что дадут повара**, потом опять загонял.
- (11''') Я загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, **ел то, что дадут повара в столовой**, потом опять загонял.

Таким образом, можно говорить о том, что предложения с коррелятом *то* указывают на меньшую степень неопределенности, чем предложения без этого коррелята, т. е. МО-конструкции с коррелятом *то* отражают минимальную степень неопределенности, возможную в такого рода высказываниях. Минимальная степень неопределенности связана также с тем фактом, что действия главного и придаточного предложений ясно представляются как два самостоятельных действия. Особенно ярко эта особенность проявляется, если подчиненное предложение предшествует главному:

- (14) А немцы понять не могут, кем он пахал, спрашивают, что он конкрет делал в колхозе. А дед говорит — всё. Немцы не секут, ауги выдупили — как всё?.. А вот так, **что прикажут — то и делал**: кран починить, энтов* пасти, коров доить, на пашне пахать [Михаил Гиглашвили. Чертово колесо (2007)].
- (15) По сиротскому положению, ясное дело, не приходится работу выбирать: **что случится, то и делал** [П. П. Бажов. Далевое глядельце (1946)].

Данные примеры показывают, что такой порядок вдобавок обычно влечет за собой присутствие дискурсивной частицы *и*.

Коррелят *то* обязателен также в случаях, когда он представляет собой косвенное дополнение, как в (16); однако это последнее правило не распространяется на те случаи, когда зависимое предложение переходит в ряд актантов главного предиката и фактически теряет статус отдельного предложения; такое положение вещей наблюдается в особенности с сочетаниями типа *кто / что придется*, которые исключают возможность коррелята, как видно на примере (17):

- (16) Питался **тем**, что дадут, пил, сколько нальют [Василь Быков. Народные мстители (1997)].
- (17) Мы делали их сами **из чего придется** — из сажки, из толченого кирпича, из известки... [И. Грекова. Хозяева жизни (1960)].

Коррелят также исключен в предложениях с двумя местоимениями.

Подытоживая всё вышесказанное о корреляте *то*, можно заметить, что чем длиннее придаточное предложение, чем больше в нем составляющих, тем уместнее будет коррелят. И, наоборот, если придаточное предложение сформулировано очень сжато, то коррелят неуместен; в таких случаях придаточное относительное, теряя свой изначальный статус, приобретает чисто номинальную функцию (что часто сопровождается отсутствием запятой) или же переходит в категорию обстоятельственных предложений (об этом см. в особенности в разделах 8.2 и 8.3).

4.2. Частица *ни*

Другой добавочный элемент, возможный в МО-конструкциях, — частица *ни* перед глаголом зависимого предложения; эта частица привносит в предложение дополнительное значение, указывающее на то, что реализация действия главного предложения не зависит

от природы референта подчиненного предложения. В работе [Добрушина 2016] данная мысль сформулирована немного иначе: придаточное означает, что ситуация, названная в главной части, верна при любом положении дел из тех, которые названы в зависимой части. В этой работе такие предложения анализируются под названием «универсальные условно-уступительные предложения»: тщательно изучена роль сослагательного наклонения, но специфическая семантика, привносимая частицей *ни*, не рассматривается.

Частица *ни* показывает, что в поле действия субъекта попадают объекты не одного рода или класса, а различных родов и категорий (на что также указывает и местоимение *все*, эксплицитно или имплицитно присутствующее в главном предложении):

- (18) *Я, бывало, маленький, всё бил да ломал что ни попадет* [Ф. А. Кони. Принц с хохлом, бельмом и горбом (1833)].
- (19) *Но страшно подумать, если доносчики уже на этой стороне Кодора, а мой старик всё еще мелет, что ни придет на язык* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (1989)].

Таким образом, природа референта подчиненной части МО-конструкции определяется целиком семантикой подчиненного предложения. Такое положение вещей снимает целый ряд условий, ограничивающих природу референта. В связи со сказанным можно объяснить, в каких условиях фраза типа *Они ели, что ни найдут* будет приемлема, а в каких нет. Эта фраза кажется странной, если субъектом действия являются люди, съедающие продукты, которые можно объединить в категорию «съедобные». Если же предположить, что речь идет, например, о марсианах, которые едят предметы, несъедобные для человека, то такая фраза становится вполне приемлемой.

Частица *ни* всегда факультативна (по крайней мере в предложениях изучаемого типа, где она является даже редким явлением: она присутствует только в трех из приблизительно 120 примеров, которые мы рассматривали), при этом во многих предложениях, где ее нет, существует возможность ее добавить; в следующем предложении она была бы вполне уместна:

- (20) *Савельич пляски, однако, не выдерживал и крушил, что подвернется под ноги* [Юрий Мамлеев. Конец света / Удалой (1995–2000)].

Предложения *Бил что ни попадет* и *Бил что попадет* по смыслу очень близки, что объясняется семантикой глагола *попадет*: такой глагол фактически исключает, чтобы можно было дать хоть приблизительное представление о том, чем является множество, заданное в главном предложении. Поэтому частица *ни* тут мало что меняет.

В лингвистической литературе конструкции с частицей *ни* описываются как «предложения с обобщенно-уступительным значением», в которых «значение обобщенности (...)» может быть подчеркнуто также усилительно-уступительной частицей *ни*, нередко осложняющей его элементом модального значения произвольности или случайности: *Чего ни пожелаешь ты, Мы всё достанем* (Лерм.)» [РГ 1980, II: 534]. Отмечается, что придаточное предложение утрачивает актантную позицию, привязывающую его к главному предложению, тем самым нейтрализуется анафорическая функция относительного местоимения и объясняется невозможность введения в главное предложение коррелята *то*.

Такая ситуация объясняется, на наш взгляд, семантикой частицы *ни*, которая показывает, что реализация действия главного предложения не зависит от природы референта подчиненного предложения. Частица *ни* и коррелят *то* вступают в семантическое противоречие: коррелят *то* показывает, что в контексте уже задан род или класс объектов, с которыми соотносится референт, а частица *ни*, наоборот, указывает на то, что объекты, попадающие в поле деятельности субъекта, принадлежат к различным классам и категориям.

МО-конструкции с частицей *ни* можно охарактеризовать как высказывания с максимальной неопределенностью референта.

Обобщая анализ природы референта в МО-конструкциях, можно отметить тот факт, что эти конструкции обнаруживают различные степени конкретизации неопределенного референта: конструкции с коррелятом *то* дают больше всего контекстной информации о референте (минимальная неопределенность), а конструкции с частицей *ни*, наоборот, предполагают минимальные сведения о референте (максимальная неопределенность). Между этими полюсами существуют конструкции, где *то* и *ни* могут быть факультативными элементами. Все эти наблюдения позволяют, как нам кажется, говорить о градуальности выражения значения неопределенности.

5. Аспектуально-таксисные особенности употребления наст.-буд. СВ

Как мы показали выше, конкуренция форм СВ и НСВ, обозначающих повторяющееся прошедшее действие, возникает только в дистрибутивных контекстах. Ближе всего такое употребление СВ стоит к потенциальному значению наст.-буд. СВ (*Он решит любую задачу*); элементы потенциальности, впрочем, фигурируют во многих приведенных примерах (например, в (3): *Начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И всё, что найдут в доме*); об этом см. раздел 7.

Вместе с тем в изучаемых предложениях наст.-буд. СВ демонстрирует еще и дополнительные черты, отделяющие такое наст.-буд. СВ от обычного потенциального значения.

При употреблении наст.-буд. СВ между действием главного и придаточного предложений устанавливаются особые отношения непосредственного предшествования / следования: действие наст.-буд. СВ с переменным референтом логически предшествует действию главного предложения, предопределяя его реализацию; все действия относятся к одному плану (плану прошлого или плану настоящего) и интерпретируются как повторяющиеся.

Непосредственное предшествование / следование предполагает очень краткий, иногда даже практически отсутствующий интервал между действиями. Глагольная форма в придаточном относительно обозначает событие, совершение которого составляет последнюю точку, предел, за которым начинается процесс, выраженный глаголом главного предложения. Имеет место своего рода примыкание двух процессов. Таким образом, высказывания, в которых содержатся контекстуальные элементы, указывающие на временной интервал между двумя действиями, оказываются неприемлемы, если в них используется наст.-буд. СВ: **Вечером собака подбирала на помойке то, что выбросят утром*; тогда как форма НСВ допускает такой интервал: *Вечером собака подбирала на помойке то, что выбрасывали утром*. В некоторых случаях зависимая часть является своего рода характеристикой референта; тогда речь идет по сути не о двух, а об одном действии, поэтому интервал отсутствует:

- (21) *Я вспомнил, что перед отлетом цапли становятся нервными и злыми, они обрушиваются на каждого, кто подвернется, сор из своих гнезд, гадят прохожим на голову, и мне захотелось написать рассказ, где бы фигурировали эти цапли* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1964)].

Большинство примеров дает возможность замены формы наст.-буд. СВ на НСВ. Как отмечал уже Ю. С. Маслов, замена СВ на НСВ возможна потому, что отношения предшествования / следования между действиями вытекают из лексического значения глаголов [Маслов 1954/2004]. Это, конечно, не значит, что предложения будут синонимичны, хотя в том и другом случае выражается итеративное действие, но итеративность, выраженная наст.-буд. СВ, имеет свою специфику. Мы уже сказали, что наст.-буд. СВ

имплицитно непосредственное предшествование / следование действий; это приводит к тому, что эти действия представлены как одно комплексное целое, которое ставится в один ряд последовательных событий вместе с другими действиями, ср. пример (11): ...*загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, ел, что дадут, потом опять загонял*. Здесь перед нами цепь действий: [загонял] — [ел, что дадут] — [загонял]. Замена СВ на НСВ приводит к тому, что четкая хронология предшествования / следования цикла многократных действий отступает на задний план и действия представляются как описание постоянных ситуаций, обычаев, привычек, ср.:

- (22) *Регинка могла часами слоняться по квартире, находила себе какие-то непонятные дела и функционировала совершенно автономно. И ела, что дают, практически по часам* [А. С. Лукьянов. Зубы // «Уральская новь», 2001].

Дополнительная разница между СВ и НСВ состоит в том, что итеративность, выраженная НСВ, не только допускает, но и чаще всего даже предполагает некоторую регулярность повтора (например: *Он каждое утро пил кофе; Они регулярно ходили в кино*). СВ такую регулярность исключает, что связано с тем, что речь идет о неконтролируемом действии. Высказывание типа **Он ел, что регулярно / каждый день дадут* абсолютно не приемлемо. Таким образом, в высказываниях с наст.-буд. СВ выявляется особый тип итеративности, выражающей нерегулярное повторение (такую итеративность можно назвать *алеаторной*; ср. англ. *aleatoric*, фр. *aléatoire*).

Можно заметить еще один побочный эффект того, что схема с СВ представляет действия как одно комплексное целое. Даже вне контекста фраза *На этом празднике малыши брали себе то, что понравится* будет понята так, что малыши берут каждый что-то по очереди; это происходит просто потому, что трудно себе представить, что комплексное действие [понравилось] — [взял] распространяется одновременно на всех субъектов. Напомним пример (13), где содержится эксплицитное указание на эту особенность: *Поезд медленно, по очереди объезжал всех ребят, и в каждом его вагончике лежало что-то вкусное. Малыши брали себе то, что понравится*.

Если заменить СВ на НСВ (*Малыши брали себе то, что нравится / нравилось*), можно себе представить, что разные действия происходят неупорядоченно, более или менее все вместе, а не поочередно, поскольку, как было уже сказано выше, четкая хронология отступает на задний план.

6. Несколько замечаний о конкуренции СВ и НСВ

Конкуренция между наст.-буд. СВ и НСВ подразумевает, что иногда возможны не две, а три формы: наст.-буд. СВ / наст. НСВ / прошедшее НСВ, т. е. здесь затрагивается довольно сложный вопрос согласования временных планов действий. Проблема конкуренции трех форм требует специального анализа; в настоящей работе мы ограничимся несколькими наблюдениями.

Конкуренция трех форм наблюдается с глаголом *дать*: в примере (11) мы видим наст.-буд. СВ: *Ел, что дадут*, в (22) — наст. НСВ: *И ела, что дают*; а в примере (23) реализована третья возможность; такая тройная конкуренция также наблюдается с глаголом *нравиться* (24):

- (23) *Вернувшись с работы, Виталий ел, что давали, поднимался на чердак, где у него был на ящиках матрас, ложился и слушал самодельное радио* [А. И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].
- (24) *Подходила к прилавкам и просто брала, что нравится* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

Данное высказывание можно сравнить с примером (13) (*Мальчиши брали себе то, что понравится*); при этом ясно, что в (24) возможно и прошедшее НСВ. Однако такая взаимозаменяемость существует далеко не всегда.

Бывает, что конкурируют только две формы, наст.-буд. СВ и прошедшее НСВ. Подобное ограничение обусловлено, как нам кажется, таксисными отношениями между действиями. Настоящее НСВ возможно, только если хронология между двумя действиями не интерпретируется как строгое предшествование / следование, а может пониматься как хотя бы частичная одновременность. Так, пример (3) ...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что найдут в доме* можно переделать в ...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что находили в доме*, но вариант с настоящим не проходит: ?...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что находят в доме*. Такова, кажется, и ситуация с очень частотным глаголом *попадаться*: нам не удалось обнаружить ни одного примера с глаголом в прошедшем + *что попадается*, типа ?*он брал / хватал / ломал, что попадается*; обычно только: *он брал / хватал / ломал, что попадется / что попадалось*.

Иногда конкуренции просто нет, возможно только наст.-буд. СВ. Такое положение вещей наблюдается, в частности, при переходе зависимого предложения в иные синтаксические категории и при их фразеологизации (*С ребенком нянчились кто придется*). Одним из факторов, влияющих на данный процесс, является отсутствие коррелятива НСВ для формы СВ (*Говорили что в голову взбредет*).

7. Наст.-буд. СВ как носитель модальности

Тот факт, что не все потенциально существующие объекты попадают в поле деятельности субъекта, т. е. некоторые объекты не подвластны субъекту действия, ускользают от него (что было показано выше на примере (3) ...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что найдут в доме*), подводит нас к мысли о том, что в высказывании заложена субъективная оценка субъекта действия с точки зрения его возможностей. Иными словами, высказывания с наст.-буд. СВ несут модальное значение. Выражение модальности охватывает разнородные явления, что делает ее очень сложной для лингвистического описания [Плунгян 2000: 308]. Тем не менее можно указать два полюса, к которым тяготеет то или иное модальное значение: оценочная модальность и ирреальность. По этому поводу напомним, что в русском языке имеется корреляция между неопределенностью объекта и ирреальным наклонением: высказывание *Он ищет девушку, которая знает язык кечуа* может иметь в виду конкретную девушку, а высказывание *Он ищет секретаршу, которая знала бы язык кечуа* не подразумевает существования конкретной секретарши, ее даже, возможно, не существует в природе [Там же: 289]. При оценочной модальности рассматривается отношение говорящего к ситуации, а при ирреальной модальности имеет значение статус ситуации по отношению к реальному миру [Там же: 309].

Высказывания с наст.-буд. СВ могут выражать значение **возможности** как характеристику субъекта действия (ирреальная модальность), а также вводить оценку субъекта действия говорящим (оценочная модальность). Часто граница между этими полюсами стирается.

Основная характеристика субъекта действия состоит в том, что его возможности представлены как ограниченные; действие примера (3) можно, например, представить следующим образом: *И все, что найдут (= могли найти) в доме*. Если эта модальность остается часто имплицитной (25), она иногда выражена эксплицитно, как в (26):

- (25) *Белкин заболел, полный упадок сил, не поднять руки, глаза впали, кругом синева. Кормить нечем. Вера раздобывала, где могла, то конину, то кусочек шипика. Носит в больницу поджаренный хлеб и что найдет (= может найти)* [Л. В. Шапорина. Дневник. Том 1. (1898–1945)].
- (26) *Жили они в камышовых шалашах, которые разорали и сжигали, как только прослышат о приближении татар, а питались тем, что удастся с бою отбить у татар, охотой на зверя и рыбной ловлей* [П. Н. Краснов. Атаманская памятка (1898)].

В этих примерах субъекты действия главного и придаточного совпадают. Если субъекты действия главного и придаточного не совпадают, то характеристика ограниченных возможностей субъекта может усиливаться контекстом до такой степени, что субъект предстает как неконтролирующий действие, зависящий от чужой воли и даже пассивный (примеры (1), (2), (4), (5), (6)).

Отсутствие контроля над действием также может передаваться целой гаммой глаголов, характерных для рассматриваемых конструкций: как было уже сказано, самые типичные предикаты здесь — предикаты, выражающие сами по себе случайное появление объекта или мысли: *подвернется, попадется под руку, взбредет в голову, вздумается*.

8. На грани системы

Некоторые типы предложений в силу разных критериев находятся на грани изучаемой системы.

8.1. Какой

В первую очередь следует упомянуть модели с местоимением *какой*. В отличие от остальных рассматриваемых в данной статье предложений, антецедентом здесь является существительное, что обычно противоречит уже не раз упоминавшемуся принципу неопределенности референта. Тем не менее совершенно ясно, что во многих случаях этот формальный критерий несущественен; доказательством тому служат следующие примеры:

- (27) *Чтобы ожидание текло незаметней, согласился исполнять в лазарете работу, какую скажут* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].
- (28) *И покупали книги в тамошних магазинах — какие придется, лишь бы почитать* [А. И. Слаповский. Библиотека // «Волга», 2013].

Близость с предыдущими примерами очевидна: пример (27) можно сравнить с (12) (*Возил, что прикажут*), а пример (28) с примером (9) (*Кормили чем придется*).

Совершенно очевидно, что употребление наст.-буд. СВ во всех перечисленных предложениях играет одну и ту же роль, что позволяет нам считать такие случаи периферийным явлением, находящимся, однако, внутри изучаемой системы. Несмотря на то, что антецедент выражен существительным, семантика неопределенности здесь сохраняется: местоимение *какой*, указывая на то, что речь идет не об одном конкретном предмете, а о каком-то типе, снимает определенность антецедента. Если заменить местоимение *какой* на *что* или *который*, то семантика неопределенности исчезает и предложение становится неприемлемым: **Согласился исполнять в лазарете работу, что / которую скажут*. Как видно из примеров, форма наст.-буд. СВ употребляется только в сочетании с нереферентными местоимениями.

Отметим, что имеются еще более периферийные (и более редкие) явления такого типа: существительное может сочетаться даже с местоимением *кто*, при условии что неопределенность восстанавливается другим способом, как в следующем примере, где эту роль на себя берет элемент *только*:

- (29) *Про воеводу говорили: ходит он с двухаршинным батогом и бьет людей, кого только встретит на улице, приговаривая...* [В. В. Каменский. Степан Разин (1928)].

Только здесь синонимично частице *ни* перед глаголом наст.-буд. СВ, указывая на безразличие субъекта действия по отношению к тому, какой именно человек попадает к нему на пути; без этого элемента такое предложение проблематично: **Бьет людей, кого встретит на улице*.

8.2. Кто что

В начале статьи уже упоминалась периферийная конструкция, в которой подчиненное предложение вводится двумя местоимениями, см. пример (7): *...ели урывками, что где придется*.

На этом примере видно, что такие предложения полностью соответствуют нашей схеме: стоит убрать местоименное наречие *где*, и фраза ничем уже не отличается от всех других примеров: *ели урывками, что придется*. Таких случаев почти полного совпадения со стандартной синтаксической моделью немало:

- (30) *Кричали кому что вздумается: кто проклятия, кто приветствия, жали руки, вскакивали на лавки...* [Д. А. Фурманов. Незабываемые дни (1922)].
- (31) *И, опьянев, заговорили кто что хочет, делали, кому что заблагорассудится* [П. А. Сорокин. Заметки социолога. Трагедия революции // «Воля народа», 1917].

В то же время встречается не меньше примеров, где отождествление с базовой моделью затруднено:

- (32) *Все товарные, пассажирские поезда были забиты голодающими: ехали на крышах и подножках вагонов. Цеплялись везде, кто как сможет* [Александр Царев. «Я Иван колхозный...» // «Звезда», 2003].
- (33) *Очень многие тогда имели лодки и, кто как сумеет, строили для их хранения сараи* [Игорь Немучинский. Расследование (2003) // «Встреча» (Дубна), 11.06.2003].
- (34) *Деньги собирали в кружку: кто что даст* [Петр Тюрин. Праздники и будни Таганрога (1960–1972) // «Ковчег», 2015].

Все эти предложения отдаляются от принципа местоименной связи и не поддаются однозначной трактовке. Зависимые предложения несут здесь двойственную синтаксическую нагрузку: с одной стороны, они сближаются с бессоюзными предложениями и в то же время выполняют какую-то иную синтаксическую функцию. Так, в примерах (30), (31) предикация зависимого предложения стирается в пользу номинативной функции, в примерах от (32) до (34) зависимые предложения могут быть проанализированы как обстоятельственные.

Если в примерах (30), (31) можно еще считать, что местоимение *кто* имеет (не выраженным) антецедентом подлежащее главного предложения, то в трех следующих за ними примерах такой возможности нет. Мы здесь на грани изучаемой системы.

8.3. Переход в другие синтаксические категории

Номинативная функция может совершенно вытеснить предикативную. Переход от предикации к номинации наблюдается уже в (35), где *что вздумается* может интерпретироваться просто как *глупости*, но данная фраза еще все-таки дает возможность усмотреть здесь два отдельных предложения: *Говорил то, что вздумается*. Такой подход уже невозможен для (36) и тем более для (37): **Нянчили те, кто придется* абсолютно неприемлемо, *кто придется* не является отдельным предложением, а должно рассматриваться как подлежащее (= *нянчили случайные люди*).

- (35) *Не надо было стараться умничать, он говорил что вздумается и мог вести себя свободно...* [Даниил Гранин. Иду на грозу (1962)].
- (36) *Родители спали прямо в коридорах больницы, на креслах, на кушетках, на чем придется* [Кому не всё равно // «Русский репортер», 2014].
- (37) *Нянчили кто придется* [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)].

М. А. Холодилова [2014], вслед за другими исследователями, относит такие псевдопредложения к безвершинным относительным предложениям; это значит, что они не соотносятся ни с каким элементом в главном предложении (являющимся в ее терминологии «вершиной») и в большинстве случаев занимают позиции, возможные для именных групп (в примере (37) *кто придется* = *случайные люди*). Вместе с тем не все конструкции данного типа вписываются в эту категорию. Было бы натяжкой считать такие предложения, как (34), безвершинными относительными предложениями, они гораздо ближе к бессоюзью.

Полная утрата предикативности наблюдается и с другими местоимениями:

- (38) *Рюмки были не какие придется, а коньячные* [Андрей Ефремов. Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна // «Октябрь», 2002].

Какие придется здесь играет роль определения.

Подобного рода явления позволяют нам говорить о фразеологизации сочетания ‘местоимение + *придется*’. В таких случаях уже нет конкуренции между наст.-буд. СВ и НСВ. **Нянчили кто приходится* совершенно неприемлемо. *Кто придется* становится местоимением, по своему образованию подобному местоимению *кто-нибудь*.

Явная тенденция к фразеологизации наблюдается в конструкциях *что Бог пошлет* и *что дадут*, но здесь еще возможна конкуренция с *что посылал (посылает)* и с *что дают*.

- (39) *Американцы пьют, что хотят. А мы пьем, что бог пошлет...* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002].
- (40) *Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли», ели всё, что Бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие, особенно за столом* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)].

Даже когда речи не может быть о законченной фразеологизации, изучаемая модель конструкций обычно порождает очень сжатые предложения типа: *что попадется, что вздумается, что придет в голову*, не содержащие в большинстве случаев каких-либо распространяющих членов; напомним, что такой синтаксический минимализм имеет своим последствием тот факт, что контекст дает очень мало сведений о природе референта.

Заключение

Мы постарались показать, что в конструкциях типа *Они брали (всё), что найдут* выражение неопределенности является результатом взаимодействия различных элементов,

связанных в единое семантико-синтаксическое целое. Одним из важнейших элементов, влияющих на значение неопределенности, нужно считать форму наст.-буд. СВ в зависимом предложении. Связь наст.-буд. СВ с семантикой неопределенности влияет на выбор относительного местоимения: *кто, что, какой* и т. д. (местоимение *который* исключено). Кроме того, мы полагаем, что категория неопределенности является градуальной; в рассмотренных нами конструкциях можно установить по крайней мере три степени неопределенности, в зависимости от участия в высказывании таких элементов, как коррелят *то* и частица *ни*.

Семантика неопределенности связана с несколькими специфическими аспектуально-таксисными чертами рассмотренных высказываний. Эти высказывания отражают только дистрибутивные ситуации, в которых наст.-буд. СВ выражает особый тип итеративности — алеаторную итеративность (в отличие от предикатов, выраженных формами НСВ, обозначающих, как правило, регулярно повторяющееся действие). Нерегулярность, присущая семантике конструкций с наст.-буд. СВ, имеет своим последствием то, что предикаты в них очень часто выражают случайные действия.

Неопределенность, лежащая в основе семантики высказываний типа *Они брали всё, что найдут*, влечет за собой специфическую характеристику их референта: во-первых, референт всегда является переменным и, во-вторых, список референтов не может быть исчерпан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. *Вид и время русского глагола*. Л.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of the Russian verb]. Leningrad: Nauka, 1971.]
- Булыгина, Шмелев 1990 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства. *Типология и грамматика*. Храковский В. С. (ред.). М.: Наука, 1990, 109–117. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. Syntactic zeroes and their referential properties. *Tipologiya i grammatika*. Xrakovskij V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1990, 109–117.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola “Yazyki Russkoi Kul’tury”, 1997.]
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник; Русские словари, 2001. [Glovinskaya M. Ya. *Mnogoznachnost’ i sinonimiya v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of Russian verb]. Moscow: Azbukovnik; Russkie Slovarei, 2001.]
- Гулыга 1979 — Гулыга Е. В. Реализация категории обобщения на синтаксическом уровне. *Вопросы русского языкознания*. Горшкова К. В. (ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979, 29–39. [Gulyga E. V. Realization of the generalization category on the syntactic level. *Voprosy russkogo yazykoznanija*. Gorshkova K. V. (ed.). Moscow: Moscow Univ. Press, 1979, 29–39.]
- Добрушина 2016 — Добрушина Н. Р. Конструкции с русским сослагательным наклонением для обозначения хабитуальных ситуаций. *Вопросы языкознания*, 2016, 4: 18–34. [Dobrushina N. R. Russian subjunctive as habitual. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 4: 18–34.]
- Анна Зализняк 2015 — Зализняк Анна А. Презенс совершенного вида в значении настоящего времени. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. М.: Языки славянской культуры, 2015, 314–329. [Zaliznyak Anna A. Praesens of perfective verbs in the meaning of the present tense. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary*. Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul’tury, 2015, 314–329.]
- Маслов 1954/2004 — Маслов Ю. С. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Маслов Ю. С. М.: Языки славянской культуры, 2004, 141–175. [Maslov Yu. S. Perfective imperfect in literary Old Russian. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Maslov Yu. S. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul’tury, 2004, 141–175.]

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Uyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii) [Utterance and its relation to reality: Referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Стойнова 2016 — Стойнова Н. М. Нефутуральные употребления форм будущего времени. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2016. [Stoinova N. M. Non-futural uses of future-tense forms. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2016.] <http://rusgram.ru> Нефутуральные_употребления_форм_будущего_времени
- ТФГ 1992 — Бондарко А. В. (ред.). *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. СПб.: Наука, 1992. [Bondarko A. V. (ed.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Theory of functional grammar: Subjecthood, objecthood, information structure, definiteness / indefiniteness]. St. Petersburg: Nauka, 1992.]
- Шатуновский 2009 — Шатуновский И. Б. *Проблемы русского вида*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Shatunovskii I. B. *Problemy russkogo vida* [Issues of Russian aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Шмелев 1996 — Шмелев А. Д. *Референциальные механизмы русского языка*. Тампере: Ун-т Тампере, 1996. [Shmelev A. D. *Referentsial'nye mekhanizmy russkogo yazyka* [Referential mechanisms of the Russian language]. Tampere: Tampere Univ., 1996.]
- Черткова 1996 — Черткова М. Ю. *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. М.: Изд-во МГУ, 1996. [Chertkova M. Yu. *Grammaticheskaya kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke* [The category of verbal aspect in modern Russian]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1996.]
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2014. [Kholodilova M. A. Relative clauses. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2014.] <http://rusgram.ru> Относительные_придаточные
- Guiraud-Weber 2004 — Guiraud-Weber M. *Le verbe russe. Temps et aspect*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2004.
- Mazon 1914 — Mazon A. *Emplois des aspects du verbe russe*. Paris: É. Champion, 1914.
- Roudet 2009 — Roudet R. Le problème de la concurrence des relatifs *kto* et *kotoryj* en russe moderne. *Revue des études slaves*, 2009, LXXX(1–2): 43–57.
- Roudet 2016 — Roudet R. *Grammaire russe*. Vol. 2: *Syntaxe*. Paris: Institut d'études slaves, 2016.
- Veyrenc 1980 — Veyrenc J. La syntaxe contradictoire du présent perfectif en russe moderne. *Le verbe russe*. Veyrenc J. Paris: Institut d'études slaves, 1980, 63–73.